

«КРАСНЫЙ» ЦВЕТ В АРМЯНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

РУЗАН ГРДЗЕЛЯН

Цвет – это феномен, вызывающий неизменный интерес как у людей творческих, так и у ученых самых разных научных областей. Философы, психологи, социологи, физики и физиологи исследуют цвет в различных научных аспектах. Лингвистов же всегда интересовали наименования цвета, характер употребления цветообозначений и «цветовое» видение мира сквозь призму того или иного языка. Соответственно в лингвистике имеется большое количество работ, посвященных этой проблеме, достаточно подробно разработана методика исследования цветообозначений (ЦО), но при этом отмечаются методологические трудности, с которыми неизменно сталкивается исследователь (А. Вежбицкая, Т.А. Михайлова, А.П. Василевич, Е.В. Рахилина, Ю.В. Норманская, Ж.Б. Бахилина).

Нами поставлена задача рассмотреть обозначения красного цвета в армянском и русском языках и выявить особенности употребления ЦО 'красный' в типологическом аспекте. Выбрав столь разработанную исследовательскую область, мы тем не менее будем стремиться внести свой вклад как в методологию исследования ЦО, так и в описание и анализ конкретного языкового материала.

Определяя объект нашего исследования, мы постараемся не выходить за рамки собственно языка. Таким образом, мы будем стремиться исследовать не цветовой спектр, не зону красного цвета в нем, а лексемы, обозначающие красный цвет и его оттенки, то есть синонимический ряд, рассматриваемый как одно смысловое целое, и характер распределения в нем отдельных смысловых зон. Следовательно, в поле нашего исследования находится не «физический», а «языковой» цвет. Поскольку нас будут интересовать «прецеденты» употребления той или иной лексемы, мы будем рассматривать только зафиксированные в текстах употребления, те типы контекстов, в которых функционирует та или иная лексема. Контекстуальный анализ в свою очередь обуславливает необходимость рассмотрения сочетаемостных особенностей слова. Известно, что в частности базовые ЦО имеют широкий сочетаемостный потенциал и при этом объекты, характеризующиеся «цветовыми» прилагательными, подразделяются на два класса – природные объекты и искусственные (артефакты). Сочетаемость ЦО с

большинством артефактов, как правило, не проливает свет на их семантические и лингвокультурные особенности. Иное дело природные объекты, цветовая характеристика которых колеблется в языках между двумя полюсами – по возможности наиболее объективной физической характеристикой объекта и субъективным восприятием его цвета в той или иной языковой картине мира. При этом в исследованиях ЦО обращается внимание на такую характеристику природного объекта, как изменчивость или неизменность его цвета, в частности «кровь» скорее можно отнести к природным объектам, не меняющим свой цвет, а «заря», наоборот – меняет свой цвет под внешним световым воздействием. Более того, легко задаться вопросом – имеет ли вообще «заря» цвет? Не окрашивается ли она извне? Это не столь праздный вопрос, как может показаться, поскольку именно внешнее воздействие наиболее способствует субъективному цветовосприятию. Таким образом, изменчивость и неизменность цвета предмета может стать ключом к пониманию природы употребления того или иного ЦО.

Однако следует также отметить, что толкование цвета через те природные объекты, которые имеют множество разновидностей, сортов, например, цветы, ягоды, плоды или животные, не может быть достоверным, если за этим объектом в данной лингвокультуре нет устоявшегося стереотипного представления о нем. Так, во многих лингвокультурах, вероятно, существует прототипический образ *розы* как цветка преимущественно бледно-красного цвета и соответственно есть относительное прилагательное *розовый* именно со значением 'бледно-красный, белый с оттенком красного'. Возможно, этим объясняется тот факт, что, например, в русском языке не употребительны словосочетания *бледно-красная роза*, *розовая роза*, тогда как широкоупотребительны *алая роза*, *красная роза*, *белая роза*, *жёлтая роза*. В современном армянском языке ЦО շիրիշույն ('роза'+ 'цвет'), как и во многих индоевропейских языках, имеет значение 'белый с оттенком красного', однако в толковом словаре классического армянского языка (грабара) - это ЦО толкуется как 'цвета розы, красный, пурпурный, яркий', то есть *роза* в грабаре воспринимается прежде всего как ярко-красная, следовательно, у древних армян прототипическим образом этого цветка, вероятно, был образ *красной*, *пурпурной розы*, а вовсе не «розовой» розы¹. Ср. с этой точки зрения также *фиалку* и *малину*, которые в природе бывают разных цветов и оттенков (от жёлтого до темно-красного и фиолетового), однако же прототипические фиалка и малина имеют схожие бледно-пурпурные оттенки, поэтому относительные прилагательные *фиалковый* и *малиновый* не могут быть, например, обозначением жёлтого цвета (при наличии в природе *Фиалки Кавказской* (*Viola Caucasica*) с ярко-жёлтыми цветками и разнообразных сортов

---

¹ Նոր բառգիրք հայկազգեան լեզուի (ՆԲՀԼ), հ. 2, Եր., ԵՊՀ հրատ., 1981, էջ 791:

желтоплодной малины. Ср. в связи с этим рассуждения А. Вежбицкой о том, что «прототипический помидор – красный», тогда как «встречаются также и жёлтые помидоры, которые тоже называются *помидорами* или, в крайнем случае, *жёлтыми помидорами*»².

Однако вернемся к слову *заря*. Будучи наименованием природного объекта с изменчивым цветом, «заря» не может иметь прототипический образ с однозначной цветовой характеристикой. Если небо в норме – голубое, лимон – жёлтый, а трава – зелёная, то *заря* «в норме» не имеет однозначной цветовой характеристики. Значит ли это, что в данном случае нельзя говорить о наличии прототипа, включающего цветовую характеристику? Нам представляется, что в случае с подобными объектами их стереотипный образ включает некий цветовой диапазон, но без уточнения цвета, например, «заря – жёлто-золотисто-розово-красно-лиловая». Это своего рода «речемыслительная матрица», с помощью которой говорящий имеет возможность уточнить и конкретизировать характеристику объекта. Ср. случаи употребления слова *заря* с различными ЦО этого цветового диапазона в русском дискурсе: *жёлтая* (Г. Иванов, О. Берггольц); *яичная* (Д. Кедрин); *лимонная* (С. Есенин); *золотая* (А. Белый, С. Кирсанов, Н. Ушаков, С. Барт); *ярко-огненная* (Р. Асеев); *оранжевая* (М. Горький, И. Северянин, М. Пришвин); *шафранная* (Г. Иванов); *коралловая* (А. Толстой); *янтарная* (М. Мыслинская); *изжелта-красная* (Вс. Иванов); *розовая* (И. Бунин, А. Солженицын); *сизо-розовая* (И. Грекова); *алая* (М. Колосова); *янтарно-алая* (Г. Иванов); *когда заря, как зарево, красна* (А. Ахматова); *пуанцовая* (М. Зенкевич); *пурпурная* (В. Брюсов); *кровавая* (А. Блок); *багровая* (Г. Бакланов); *багряная* (Г. Державин, А. Сумароков, М. Ломоносов); *вишнёвая* (С. Есенин); *рябиновая* (В. Катаев); *заря малиновые полосы разбрасывает на снегу* (М. Цветаева); *аметистовая* (Г. Иванов); *сиреневая* (А. Мусатов); *лиловая* (В.В. Виноградов)³.

Однако и в подобных случаях цветовой диапазон может включать разные ЦО. Так, в армянском дискурсе со словом *արևածագ* 'заря', как правило, не сочетаются лексемы бледно-желтой и сиренево-лиловой зоны. Заря в восприятии говорящего по-армянски, как правило, золотисто-пламенно-красная или кроваво-красная, ср.: «Հրահրուն էս և բոցախառ, արևածագ սի-րուր» /Չ.Տերյան/; «Օ՛, սեր կարոտների արևածագ հուրհեք» /Ա.Սարգսյան/; «...Հրատախուն հրախառ արևածագ է լինելու...»; Ա.Հովսեփյան; «... արշարյա բոցվեց ոսկեխառ...» Հ.Թումանյան:⁴

В восприятии же говорящего по-русски *заря* может быть также *белой*

² Вежбицкая А. Прототипы и инварианты// Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. –<http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96a.htm>.

³ Здесь и далее русские примеры из «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ) - www.ruscorpora.ru

⁴ Здесь и далее армянские примеры из «Восточноармянский национальный корпус» (ВАНК) - http://eanc.net/EANC/search/?interface_language=ru

(«Но будет белая заря / Пылать слепительнее вдвое...» Н. Гумилев), лимонной («Но им в ответ / Лишь улыбались дали / Да наша жидкая / Лимонная заря». С. Есенин), серой («И гаснет серая заря...» З. Гиппиус), зеленой («Занималась зеленая заря». А. Толстой); желтой («Заря была холодная, желтая» В. Шишков); яичной («Молочный снег, яичная заря» Д. Кедрин); малиновой («Уже загорелась малиновая заря» В. Овчинников); аметистовой («Над озером заря аметистовая / Отцветает печально» Г. Иванов), лиловой («По улице ползли сырые туманы, вдалеке лиловела заря» В. В. Виноградов).

Таким образом, в русском и армянском дискурсах при характеристике зари мы наблюдаем разные, отличающиеся друг от друга диапазоны цветовой гаммы, включающей красный цвет: в русской лингвокультуре заря – «бело-серо-жёлто-золотисто-розово-красно-лиловая», в армянской же – «золотисто-пламенно-крово-красная». В свою очередь, также и красный цвет в целом, идея «красного» в русской и армянской лингвокультурах включены в несколько разный цветовой диапазон: если в русской лингвокультуре красный цвет чаще находится в «розово-лиловом» диапазоне, то в армянской – в «желто-золотисто-огненном». В армянской лингвокультуре красный цвет более всего увязывается с желтым цветом, а также с такими объектами, как золото, пламя, тогда как в русской лингвокультуре нередки случаи, когда красный цвет увязывается с сиреневым и лиловым цветами, то есть часто тяготеет к синей гамме. Можно ли найти подтверждение сказанному в дискурсе, в стереотипных сочетаниях прилагательного «красный» с теми или иными именами?

Как толкования цветообозначений, так и толкования многих природных объектов достаточно расплывчаты в силу нечеткости их природных признаков и свойств. Поэтому прийти к более или менее адекватному пониманию природы этих наименований можно в том случае, если интерпретировать их в терминах прототипической семантики. Дж. Лакофф называет *прототипами* «наиболее четкие, яркие образы, способные представить класс концептов в целом (например, для класса *птицы* – это воробей). На основе важнейших признаков прототипа человек производит классификационную (таксономическую) деятельность, выполняет категоризацию знаний»⁵.

Таким образом, еще одно важное обстоятельство – это традиционная закреплённость объекта за той или иной цветовой характеристикой. Так, в русском языке лошадь красновато-рыжей, тёмно-рыжей масти имеет специальное наименование - «гнедая лошадь» (ср. также укр. гнідий с тем же значением; словен. *gned* «сорт винограда с синевато-красными ягодами», чеш. *hnedy* «коричневый» - М. Фасмер⁶), тогда как в армянском такая

---

⁵ Цит. по: Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика, М.: Восток-Запад, 2007. – С.107.

⁶ Фасмер М. Этимологический онлайн-словарь русского языка –<https://lexicography.ru>.

лошадь будет называться «красной». В связи с этим нам представляется наиболее эффективным подход к анализу семантической природы цветообозначений, основанный на точке зрения Е.В. Рахилиной, которая считает, что «за базовым цветом, как правило, всегда стоит некоторый концепт, а не просто часть спектра, и именно он, а не физический цвет определяет сочетаемостные возможности базового прилагательного цвета. Так в русском языке устроены *серый* (за которым стоит концепт 'незаметность'), а также *жёлтый* ('увядание') и *зелёный* ('живое' и 'мёртвое')». <...> По нашей гипотезе, именно благодаря разным концептам, стоящим за цветообозначениями одной и той же части спектра, прилагательные цвета обнаруживают разную сочетаемость»⁷.

Однако следует отметить, что анализ цветовой характеристики природных объектов более эффективен при рассмотрении ЦО в комплексе – когда исследуется функциональная семантика всех базовых ЦО данного языка и соответственно устанавливается список тех природных объектов, с которыми сочетается конкретное ЦО, а значит, выявляется характер употребления той или иной цветовой зоны. Мы же будем исходить не от объекта, а от конкретного ЦО, таким образом, нас будет интересовать, какие природные объекты в русском и армянском языках получают характеристику «красный».

Рассмотрим армянское слово **կարմիր** 'красный' и его синонимы. Известно, что в армянском языке наиболее продуктивным словообразовательным способом является словосложение. Именно этим фактором во многом объясняется богатство синонимии. Однако подобные словообразовательные модели часто бывают направлены не только на выражение оттенков значения, но и на детализацию смысла. Поэтому, хотя и несколько искусственно, но мы в некоторых случаях будем различать синонимы, которые передают различные оттенки красного, и слова, которые детализируют цветовую характеристику. Отметим также, что после каждого слова мы сознательно будем приводить перевод его толкования, но не соответствующий русский эквивалент, то есть его межъязыковой синоним. Таким образом, базовый ЦО со значением 'красный' в армянском языке – это слово **կարմիր** [кармир], а также лексемы **կարմրագույն**, **կարմրագունակ**, **կարմրերանգ**, **կարմրերփն**, **կարմրաթույր**, **կարմորակ**.

Оттенки красного цвета передаются следующими лексемами: **ալ** [ал] 'алый'; **ալ-կարմիր** [ал кармир] 'ало-красный'; **բոսոր** [босор] '1.красный с оттенком желтого; 2.темно-красный, цвета крови'; **բոսորագույն** [босорагуйн] 'желто-красный / темно-красный+цвет (заря)'; **կարմրավուն**,

online/etymology/vasmer/

⁷ Рахилина Е.В. О семантике прилагательного цвета - <http://www.philology.ru/linguistics1/rakhilina-07.htm>.

կարմրոտ, կարմրկեկ, կարմրաշ, կարմրաժեռ 'светло-красный, красноватый'; **արյունագույն, արնագույն, արյունաթույր, արյունեփանգ** 'цвета крови (луна)'; **կրակագույն** 'огонь+цвет; цвета огня; огненно-красный'; **հրագույն, բոցագույն** 'пламя+цвет; цвета пламени; пламенный красный' (железо, волосы); **սարագույն** 'огонь, пламя; огненный и светозарный эфир+цвет; цвета огня; красного цвета с огненным блеском; цвета пламени, испускающего блеск и сияние'; **շառագույն** 'темно-красный; цвета крови+цвет; красный с оттенком золотистого, жёлтого (лицо, облако); огненно-рыжий (конь)'; в современном армянском языке значение несколько сузилось: 'темно-красный'; **հրաշեկ, սարաշեկ** 'пламя+жёлто-красный, рыжий; цвета раскалённого железа (свет, блеск)'; **ծիրանագույն**, 'абрикос+цвет; цвета абрикоса; а также пурпурный (облако, кровь)'; **ծիրանեգույն** 'пурпурный'; **վարդագույն, վարդաթույր** 'роза+цвет; цвета розы, красный, розовый (цветок, кровь, щёки)'; **վարդակարմիր** 'роза+красный; красный, как роза; имеющий такой же красный цвет, как у розы (щёки)'; **հալոդի** 'светло-красный с оттенком жёлтого; красный между цветом черешни и розы; оранжевый'; **մեղուշագույն** /հզվ./ 'приятный, нежный+цвет; приятно цвета, розовый'.

В Словаре синонимов армянского языка А. Сукиасяна приводятся два синонима к слову «красный», которые не передают оттенка значения, но при этом интенсифицируют или детализируют, специфицируют значение этого слова – **կաս-կարմիր, կափ-կարմիր**.⁸ Обе лексемы имеют значение 'весь красный, полностью, совсем красный; красный-красный'.

Как видим, синонимы с гиперсемой 'красный цвет' составляют достаточно большую группу слов. Но при этом следует учитывать, что вследствие преобладания такого способа словообразования, как словосложение, в этом ряду представлены также семантические дуплеты. Ср. такие лексемы, как **կարմրագույն, կարմրագունակ, կարմրգունակ, կարմրերփն, կարմրաթույր**, которые образованы путём сложения основы **կարմր-** 'красный' и основ **-գույն, -գունակ, -երփն, -թույր** со значением 'цвет, оттенок'; ср. также: **բուսր, բուսրագույն; ծիրանագույն, ծիրանեգույն; արյունագույն, արնագույն, արյունաթույր, արյունեփանգ; վարդագույն, վարդաթույր**.

Таким образом, мы привели 36 армянских лексем со значением 'красный цвет'. Являясь синонимами, они образуют единое смысловое пространство с гиперсемой 'красный', в котором можно также выделить дифференциальные семы. Именно набор таких сем и определяет особенности употребления данных ЦО в армянском языке, а также формирует концепт «красный». Приведём те компоненты толкования,

⁸ **Մուրիսյան Ա. Մ.** Հայոց լեզվի հոմանիշների բառարան, Եր., ՀՄՄՀ ԳԱ հրատ., 1967, էջ 308, 316:

которые указывают на оттенки значения 'красный' в армянском языке, обобщив их, расположив в определённом порядке и условно разделив на группы: 1) группа «красный-красный»: *алый, цвета крови, тёмно-красный, светло-красный, цвета розы; приятный цвет (о розовом)*; 2) группа «красный-жёлтый»: *красный с оттенком жёлтого, красный с оттенком золотистого; цвета огня/пламени; цвета пламени, испускающего блеск и сияние; огненно-рыжий; цвета раскалённого металла; цвета абрикоса; светло-красный с оттенком жёлтого; красный между цветом черешни и розы*. Таким образом, армянский синонимический ряд «красный» характеризуется следующими особенностями: а) условно в нём можно выделить две «цветовые» зоны – «красный-красный» и «красный-жёлтый» с явным преобладанием «красно-жёлтой» зоны; б) «красный» толкуется в словарях через такие природные объекты, как *кровь, огонь/пламя, железо (раскалённое), роза, абрикос, черешня*.

Следовательно, на основании приведённых лексикографических данных предварительно можно сделать вывод о том, что в армянской языковой картине мира «красный цвет» в основном воспринимается как «алый красный» и как «красный с оттенком жёлтого» и соответственно часто ассоциируется с такими природными объектами, как *кровь, огонь, золото, раскалённое железо, роза, абрикос*. Об этом свидетельствует также толкование слова կարմիր, данное в толковом словаре древнеармянского языка (ՆԲՀԼ): «Գեղեցիկն 'ի գոյնս, շէկ. վարդագոյն. արիւնագոյն. բոցագոյն. ծիրանագոյն, ոսկեգօծ. շառագոյն. խարսեաշ. աշխտ»⁹ - «красивый среди цветов, жёлто-красный; цвета розы; цвета крови; цвета пламени; цвета абрикоса, золотистый; тёмно- и жёлто-красный; рыжий, огненно-рыжий».

Мы видим, что среди армянских синонимичных лексем с общим значением 'красный' не представлены лексемы «красно-фиолетовой» зоны, которые в цветовом спектре располагаются между «красной» и «синей» зонами, а значит, способны также восприниматься либо как оттенки «красного», либо как оттенки «синего». «Промежуточные» оттенки фиолетового цвета в древнеармянском языке воспринимаются, вероятно, как оттенки «синего». Так, в ՆԲՀԼ слово կապուտակ имеет значения 'синий, голубой, цвета неба, цвета моря и цвета голубой лилии', но также 'тёмно-красный, цвета малины, цвета фиалки' – «Կապույտ. և բոց կապույտ. երկնագոյն. ծովագոյն. և ի գոյն կապոյտ յակնաթափոյն շուշանի: Շառագոյն, մորենագոյն, մանուշակագոյն. Որ և աւի կապուտակեալ». Примечательно также, что в Толковом словаре современного армянского языка Э. Агаяна слово «фиалка» толкуется как растение с синеваыми /

⁹ ՆԲՀԼ, հ. 1, էջ 1075:

голубоватыми маленькими цветочками: «Մանուշակ – մանուշակագգիների ընտանիքին պատկանող խոտաբույս՝ կապտավուն /երբեմն սպիտակ կամ դեղնավուն/ փոքրիկ ծաղիկներով»¹⁰ - «Травянистое растение семейства фиалковых с синеватыми (выделено нами – Р.Г.), иногда белыми или желтоватыми маленькими цветами».

И в других языках «нередки случаи, когда одно цветообозначение относится и к объектам синего цвета и к иссиня-красному, пурпурному цвету многих сортов красного вина. В связи с этим можно вспомнить французское *le petit bleu* — название красного вина, *gros bleu* ‘скверное красное вино’ <...> Сближение красного и синего можно проиллюстрировать и другими языковыми фактами. В древнеирландском языке слово *gorm* имело значение ‘багровый’, а в современном ирландском оно означает ‘синий’. Такое же значение имеют родственные слова: шотландское *gorm*, мэнское *gorrut*. А в других индоевропейских языках слова этого корня имеют значение ‘красный’: старофранцузское *vermeil*, древнепрусское *uritian*, украинское *вермяний*»¹¹.

В свете этого языкового факта сравним армянский и русский синонимические ряды со значением ‘красный’. Русские синонимы к слову «красный» следующие: *красный, багровый, багряный, алый, пунцовый, пурпурный, пурпуровый, рдяный, огненный, пламенный, рубиновый, коралловый, кровавый, кумачовый, карминный; кармазинный, червонный (уст.)*¹². В интернет-источниках, где приводятся расширенные синонимические ряды, можно также встретить: *малиновый, вишнёвый, вишнёво-красный, гранатовый, бруснично-красный, синевато-красный, сизовато-красный, иссера-красный, ярко-красный, шарлаховый, румяный, густо-красный, розовый, рыжий, огненно-красный, ржаво-красный, медно-красный, избура-красный, кирпично-красный, кораллово-красный, розово-красный, золотисто-красный, изжелта-красный, буро-красный, оранжево-красный и т.д.*

Слова, входящие в соответствующие армянский и русский синонимические ряды можно распределить в три группы – (а) лексемы, обозначающие красный цвет с возможным указанием на его яркость и густоту, но без привнесения в значение ‘красный’ какого-либо оттенка другого цвета; (б) лексемы, обозначающие красный цвет с оттенками жёлтого цвета; (в) лексемы, обозначающие красный цвет с оттенками синего цвета, ср. соответственно в армянском и русском языках:

(а) կարմիր, ալ, ալ-կարմիր, բուր /2/, բաւորագոյն /2/, կարմրավուն, կարմրոտ, կարմրկէկ, կարմրաշ, կարմրաժեռ, արյունագոյն, արյունաթույր, արյուներանգ, վարդագոյն, վարդակարմիր, ծիրանագոյն,

¹⁰ Աղաշան Է. Ռ. Արդի հայերենի բացատրական բառարան, հ. 2, Եր., Հայաստան, 1976, էջ 969:

¹¹ Руссо М. - <http://ezhe.ru/ib/archive11366.html>

¹² Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – С. 203.

ծիրանեգույն, մեղուշագույն, շառագույն, կաւ-կարմիր, կափ-կարմիր;

красный, багряный, пунцовый, пурпурный - 'насыщенного красного цвета'; алый, кумачовый, кровавый, коралловый, карминный, червонный, рдяный, шарлаховый - 'ярко-красный'; рубиновый - 'густо-красный'; гранатовый, червлёный, вишнёвый - 'тёмно-красный'; розовый - 'белый с оттенком красного', румяный, брусничный - 'густо-розовый';

(б) բուր /1/, բուրագույն /1/, կրակագույն, հրագույն, բոցագույն, արագույն, շառագույն, հրաշեկ, արաշեկ, ծիրանագույն, հալոյի;

огненный, пламенный - 'цвета огня, оранжево-красный', но также 'ярко-красный'; рыжий, медный - 'красно-жёлтый'; ржавый - 'красно-бурый'; кирпичный - 'желтовато-красный'; золотистый - 'с блестяще-жёлтым отливом'; буро-красный, изжелта-красный;

(в) багровый - по Вл. Далю: 'темно-красный с едва заметною просинью', малиновый - по Вл. Далю: 'темно-алый с небольшою просинью'; 'красный с фиолетовым оттенком', иссиня-красный.

Исходя из приведенных данных, мы можем сделать вывод о том, что восприятие красного цвета в армянской и русской лингвокультурах несколько различно. Красный цвет в армянской лингвокультуре находится в красно-желтой цветовой зоне, и не случайно, что синонимами слова «красный» выступают в том числе и лексемы, обозначающие именно «красно-желтый цвет», ср., ծիրանագույն 'абрикос+цвет; цвета абрикоса; а также пурпурный (облако, кровь)'; հալոյի 'светло-красный с оттенком жёлтого; красный между цветом черешни и розы; оранжевый'. В русской же лингвокультуре красный цвет находится преимущественно в красно-синей цветовой зоне, о чем свидетельствуют также синонимы *багровый, малиновый, вишневый* (ср.: «Рябиною синеет красный холм» В. Соснора).

Представляется, что подобные различия в восприятии красного цвета отражаются также в особенностях лексической сочетаемости, устойчивых сравнениях и обозначающих цвет относительных прилагательных. Так, и в русском, и в армянском корпусе текстов по известным историческим причинам большой объем составляют словосочетания *красный флаг/стяг, красное знамя, Красная армия*, однако они, по крайней мере, в малой степени обусловлены этническими особенностями цветового восприятия. Особенности вербализации цветового восприятия вероятнее всего находятся в сфере бытовой, фольклорной, литературной. Так, наиболее частотными в русском корпусе текстов являются такие словосочетания, как *красное солнце* (в значении 'предраассветное, предзакатное'), *солнце красное* (чаще как постоянный эпитет в фольклоре и в стилизованном языке / речи со значением 'красивое'), *красный огонь, красный петух* (как метафора огня, пожара) и *красный петух* (как порода этой птицы), *красный нос* (в том числе восходящее к названию поэмы Некрасова широкоупотребительное выражение *Мороз, красный нос*), *красный кулак, красные щеки*,

красные губы, красный рот, красный кирпич.

Сочетания прилагательного *красный* с существительными, обозначающими части тела, - *красный нос / кулак / рот, красные губы / щеки / глаза* - часто встречаются в контекстах с отрицательной оценкой, ср.: (1) «*Диагноз на лице: передоз. Рожжа синяя, нос красный, кровавые сопли*» А.К. Смирнов; (2) «*Он держит Анастасию за волосы. Льяными колосьями они намотаны на его красный кулак*» Е. Водолазкин; (3) «*Он не был мне приятен, особенно противны были его красные щеки*» К. А. Коровин; (4) «*Ничего не покупая, он проводил свое время в наблюдениях, иронично кривя красный рот*» Н. Садур; (5) «*Вспомнил! — У тебя были очень румяные щеки и противно красные губы, прости! И очень блестели глаза, я помню! — С чего это «противно красные губы»? — Ты меня тайне раздражал, но это не мешало дружить. С тобой было дико и весело! — Нет, нет, с чего это у меня были «противно красные губы»? — Не знаю, Степ, ну слащавая мордашка была, ну и все!*» Н. Садур; (6) «*У невесты-то, гляди, гляди! Глаза красные. — Нос у неё красный, а не глаза*» А. Аверченко.

Таким образом, красный цвет в восприятии говорящего по-русски часто ассоциируется либо с чем-то неприятным, пугающим, угрожающим (ср., красный нос, красный кулак, красный рот), либо с чем-то несоответствующим принятой норме, стандарту, а потому тоже неприятным, иногда отталкивающим (ср., красные губы у мужчины, красные щеки у взрослого человека). Ср. также русскую поговорку «*Рыжий да красный — человек опасный*». Таким образом, вопреки своей этимологии ЦО, *красный* в русском языке довольно часто ассоциируется с негативными эмоциями («*Не нравится мне, слышишь... красный цвет...*» И. Бродский). Примечательны в этом смысле рассуждения митрополита Вениамина (Федченкова), раскрывающие эмоциональную сущность восприятия красного цвета в русской лингвокультуре: «*Красный цвет всегда служил символом подъема, возбуждения. Бывает радостный подъем: любовь, яркая жизнь, красная зорька, солнце красное, Пасха красная, яичко красное, рай прекрасный, красивый человек, красный кумач, красный сарафан. Или бывает подъем от возбуждения, воспаленности, раздражения, гнева. Красное знамя — символ борьбы, революции, войны; красная кровь, красная рубаха палача, красное лицо в гневе, красный цвет при бое быков, краснуха — болезнь, красное пламя, «красный петух», то есть пожар, «красное дело» — убийство.*

В армянском корпусе текстов наиболее частотными являются такие сочетания, как կարմիր արև (красное солнце, чаще как постоянный эпитет), կարմիր ալիք / թշեր (красные щеки), կարմիր ձի / քրոնակ / նժույզ (о масти: красная лошадь), կարմիր կով (о масти: красная корова), կարմիր խնձոր (красное яблоко; чаще как наименование свадебного обычая), քրիշի կարմիր (1. вид насекомого, из которого древние армяне

изготавливали красную краску; 2. наименование этой краски, считающейся национальным достоянием и соответственно концептуализированной в армянском дискурсе; 3. синоним слова լարմիր ‘красный’, выступающий в художественном тексте в качестве эпитета). Данные ВАНК позволяют сделать вывод о том, что в армянском языке слово *լարմիր* ‘красный’ в меньшей степени наделено эмотивными компонентами значения, соответственно в армянской лингвокультуре красный цвет несет несколько иную смысловую нагрузку. Это слово чаще выполняет более нейтральные функции: чаще побуждает говорящего не к эмоциональному восприятию предмета речи, а нейтрально указывает на масть того или иного животного или, именуя событие (լարմիր խնձոր ‘красное яблоко’), вид краски (որմի լարմիր «вордан кармир»), образует вместе с существительным составной термин, который, в свою очередь, может быть наделен некоторыми концептуальными чертами. Кроме того, в армянском корпусе меньше употреблений слова *լարմիր* ‘красный’ в негативных контекстах.

Симптоматичным, на наш взгляд, является сочетаемость слова «солнце» с ЦО *красный* и *желтый*. Казалось бы, что прототипом солнца должен быть объект желтого цвета - «желтое солнце» - и что это своего рода лингвокультурная универсалия, речемыслительный стереотип. Однако подобное сочетание отсутствует в ВАНК. Таким образом, в армянском дискурсе отсутствует восприятие солнца как желтого. Этому может быть несколько причин^{13,14}. Здесь мы укажем лишь на одну – красный цвет в армянском дискурсе «приближен» к желтому и часто воспринимается как цвет огненный, пламенный, оранжево-красный, золотистый, красно-желтый, поэтому и солнце *красное*. В русском же дискурсе сочетание слова «солнце» с ЦО *красный* наиболее специфицировано и подтверждает сближение ЦО *красный* с фиолетово-синей цветовой зоной: «красное солнце» - это только солнце предзакатное / предрассветное.

Особо нужно отметить тот факт, что красный цвет во многих языках, наряду с черным и белым, выступает генерализованным наименованием. В этом случае черный цвет характеризует все темные предметы, белый – все светлые, красный же – все буро-рыже-красные, ср., *красная борода, красные волосы, красный кирпич, красный петух, красная глина, красная почва, լարմիր ձի, լարմիր կոճ, լարմիր փրփր*. Примечательно в связи с этим высказывание американского нейробиолога и психолога Д.

---

¹³ Грдзелян Р.Р. «Грамматика» слова *солнце* // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 25-27 октября 2018 г.) - Пенза: Изд-во ПГУ, 2018 -С.154-158.

¹⁴ Грдзелян Р.Р. Смысловые ассоциации как механизм смыслопорождения // Русистика в 21-ом веке: тенденции и направления развития. Межд.науч.конф. Сб.ст. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2019. – С.42-45.

Левитина: «Когда язык продвигается вперед и добавляет третий термин в свой лексикон для цвета, третий термин всегда красный»¹⁵.

В завершение отметим, что ЦО «красный» в армянском и русском языках, имея много общих черт, тем не менее отличается как по своей функциональной семантике, так и по своим лексическим характеристикам: 1) синонимические ряды включают различные смысловые зоны (в армянском языке – это зоны «красный - красный» и «красный - желтый», в русском - «красный - красный», «красный - желтый», «красный – лиловый»); 2) соответственно в армянской лингвокультуре красный цвет находится в красно-желтом цветовом диапазоне и больше тяготеет к желтому цвету, тогда как в русской лингвокультуре красный цвет находится в желто-красно-синем диапазоне и преимущественно тяготеет к синему цвету.

Ключевые слова: лингвокультура, прототип, цветообозначение, цветовая зона, вербализация цвета

ՌՈՒԶԱՆ ԳՐԶԵԼՅԱՆ – «Կարմիր» գույնը հայկական և ռուսական լեզվա-մշակույթներում – Հոդվածը նվիրված է կարմիր գույն անվանող բառերին և նրանց առանձնահատկություններին հայկական և ռուսական լեզվամշակույթներում՝ գունանունների հետազոտության մեթոդաբանական հնարքներին, դրանց հոմանիշների իմաստային նրբերանգների վերծանմանը և հետազոտությանը, իմաստային, բառակապակցական և լեզվամշակութային հատկություններին, ինչպես նաև խոսակցականացման (վերբալիզացիայի) հատկություններին:

Բանալի բառեր – լեզվամշակույթ, նախատիպ, գունանուն, գույնի տիրույթ, գույնի վերբալիզացիա

ROUZAN GRDZELYAN – “Red” Color in Armenian and Russian Linguocultures. – The article is devoted to the study of red color names in Armenian and Russian linguocultures – methods for studying color meanings, synonymy, combinability features, linguistic and cultural characteristics, and the features of red color verbalization.

Key words: linguoculture, prototype, color names, color range, color verbalization

Поступление: 02.06.2020, Рец.: 05.06.2020, Принято к печати: 24.07.2020

---

¹⁵ Левитин Д. Организованный ум. Как мыслить и принимать решения в эпоху информационно-перезгрузки. - <https://e-libra.ru/read/587816-organizovanny-um.html>